

Аграрный вопрос в работах русских консерваторов конца XIX – начала XX вв.

После реформы 1861 года российские консерваторы были вынуждены искать ответы на следующие вызовы времени: усиление крестьянского землевладения, превратившегося в угрозу помещичьим хозяйствам; оформление прослойки крестьян-общинников, морально и отчасти материально готовых к выходу из крестьянского «мира»; ускорение развития промышленности, угрожавшее созданием диспропорций между ней и аграрным хозяйством; возрастание материальной мощи отечественной буржуазии; распространение социалистических идей, во многом ставшее реакцией на развитие капитализма; оформление и рост рабочего класса¹.

Большинство консерваторов считали, что крестьянская община в силу традиций коллективизма, напрямую «связана с самодержавной формой правления». Так, например, К. Н. Леонтьев видел положительный момент в том, что, освободившись от личной власти помещиков, крестьянский мир остался зависим от общины, разложение которой было бы, по мнению мыслителя, трагедией, поскольку неизбежно привело бы к расслоению крестьянства, и в итоге повлияло на прочность самодержавной системы. Если в 1860–е годы из консервативного лагеря раздавались голоса с критикой общины, но уже в 1880–е годы ситуация меняется. Леонтьев, например, считал, что общинные отношения построены на особом, религиозном понимании бытия. *«Поземельная и обязательная форма общины связана с самодержавной формой правления. А индивидуализм рано или поздно неизбежно и даже неприметно ведет к конституции, то есть к полнейшему господству капиталистов, банкиров и адвокатов!»*².

Отношение консервативных мыслителей к общине было неоднозначным. С одной стороны, нельзя было не видеть, что община выступала в качестве сдерживающего фактора для роста производительности труда. С другой стороны, общинные традиции, и, прежде всего круговая порука, способствовали определенной консервации крестьянского мира, сохранению патриархальных и традиционных начал. Как отмечает историк В. А. Твардовская, «временное сохранение общинного землевладения имело свой смысл. Община помогала крестьянину пережить первые, самые трудные пореформенные десятилетия, несколько смягчив остроту противоречий переходного периода от одного строя к другому...», однако «проблема общины — столь же социально-экономическая, сколь и политическая, государственная, так и не была решена консервативной мыслью»³.

Более подробно аграрную проблематику разрабатывал С. Ф. Шарапов, выпустивший по данному вопросу ряд работ⁴. Выступая за некапиталистический путь модернизации сельского хозяйства, он последовательно отстаивал существование общины, являвшейся, по его мнению, последним прибежищем русских исторических идеалов. «Только благодаря своей уцелевшей общине, своему миру, и стало Великорусское племя племенем государственным; оно одно из всех Славянских племен не только устроило и оберегло свою государственность, но и стало во главе общерусского государства ... Все остальные Славянские племена вместе со своей общиной потеряли ... и свою государственную независимость ... Русская община, и только она выдержала и помогла выдержать государству ... Община явилась хранилищем и Христовой веры, и народного духа, и исторических преданий...», писал Шарапов⁵.

Община, по его мнению, это не просто «мертвый» хозяйственный механизм. Само ее существование имеет огромное духовное и воспитательное значение для ее членов, не случайно Шарапов употреблял в одном ряду слова «община» и «соборность». Он считал, что община способствует быстрому распространению различных полезных технических нововведений. Конечно, сначала община крайне настороженно относится к любым новациям, но зато всякое частное улучшение, произведенное в общине, подхватывается

затем всей остальной массой. В то время как «община обладает тысячью орудиями самосохранения», отдельный хозяин «страшно неустойчив». Что касается происходившей деградации общины, то она связана не с ее естественным вырождением, а с отсутствием продуманной государственной политики. Считая, что разрушение дворянского землевладения повлечет за собой дальнейшее падение уважения крестьян к собственности, а разрушение общины подорвет в народе начала коллективизма, Шарапов утверждал, что финансовая поддержка нужна в первую очередь не тем немногим крестьянам, которые ушли на хутор или в отруб, а самой общине. В этом случае постепенно произойдет естественный переход к подворному владению. В «Открытом письме к П. А. Столыпину», опубликованном в 1906 году Шарапов обвинил реформатора в том, что он заимствовал аграрную программу «у кадет», и в результате «удельная земля отдана, отдана совершенно напрасно, казенные готовятся к передаче, а за ними, быть может, монастырские и церковные. Частные землевладельцы панически бегут, сдавая земли по чем попало Крестьянскому банку... Ведь такая постановка аграрного вопроса ставит на карту всю экономическую, да и политическую будущность России... А главное, чего Вам русские люди не простят, — это полное неуважение правительства к местным силам, принципиальное отрицание всякого их содействия и совета»⁶.

Шарапов также надеялся, что государство сумеет удержать управленческие традиции за дворянским сословием. Реформа 1861 года привела к тому, что помещики, оставшиеся без рабочей силы были вынуждены или обращаться в земельных ростовщиков, или пытаться любой ценой заполучить себе в качестве наемного работника крестьянина, отрывая его от собственного хозяйства. Чем хуже было положение крестьянина, тем больше было у помещика шансов заполучить его к себе. Выход из этого замкнутого круга Шарапов видел в создании взаимовыгодного союза помещика и свободного крестьянина. Дальнейшую перспективу дворянства он в утопии «Диктатор» определял следующим образом: «Сословие абсолютно бескорыстное, совершенно лишенное классового эгоизма. Все живут более или менее для себя и имеют свои интересы. Интерес дворянства — интерес общий: государства, земли, народности. Все говорят за себя — дворянство говорит за всех ... Отсюда и все требования, предъявляемые к дворянству. И первое из них: во что бы то ни стало удерживать свою землю, ибо без этого культурная роль дворянства не осуществима. Но удерживать землю не для того, чтобы извлекать из нее доход всяким путем, а для того, чтобы нести на своих плечах руководство земледельческой культурой, идти впереди масс, быть их старшими братьями, учителями»⁷. В своем имении Сосновка, расположенном в Смоленской губернии, Шарапов безуспешно попытался воплотить в жизнь изложенные выше идеи просвещения крестьян.

Многие правые публицисты и представители монархического духовенства понимали необходимость улучшения условий существования народа. При этом они в первую очередь обращали внимание на «бездуховный» мир Запада. О современных ему религиозных и социально-политических отношениях на Западе Н. Я. Данилевский писал: «Русский, читая это, ошалевает, становится в тупик. До такой степени кажется ему это диким, непонятным, немыслимым, невмещающимся в его сердце и ум, точно как если бы дело шло о происходящем на другой планете, а не у нас на земле. Вот где были истинные, а не метафорические крепостные души, в полном, реальном значении этого слова!»⁸. А. П. Липранди указывал на то, что «в Соединенных Штатах Америки парламент находится фактически в руках нескольких крупных капиталистов ... наживших свои миллионы при помощи трестов...»; вся представительная система находится в «руках синдикатчиков и они полновластно вершат судьбы страны от имени “народа”»⁹. Вообще же в критике «язв капитализма» правые иногда были единодушны с левыми.

Характерна в этой связи судьба писателя И. А. Родионова, бывшего одним из деятелей монархического движения и выступавшего с докладами в Русском собрании¹⁰. Образованной России он стал широко известен после того, как опубликовал в 1909 году в издательстве А. С. Суворина повесть (иногда это произведение называют романом) «Наше